

Едва Хэ Сы ступил на землю, как Юэ Чжун, уже успевший получить весть о его прибытии, поспешно подошёл навстречу. Он не снял с пояса саблю «Парчовая весна» и был закутан в тёмный плащ.

Стражи, участвовавшие в перетягивании каната, разбились на кучки и, перешёптываясь, разглядывали молодого человека, вышедшего из повозки.

Тот был чертовски хорош собой: иссиня-чёрные волосы, алые губы. Хотя на нём и не было драконьего халата, нефритовая табличка на поясе ясно указывала на высокий статус прибывшего.

Наместник Восточной следственной палаты для Императорской гвардии был равен по рангу командующему. Однако ныне, когда евнухи держали в руках всю власть в дворе и при дворе, наместник Восточной палаты определённо стоял выше командующего Императорской гвардии.

Прежний командующий, завидев старого главу Палаты даже за восемь чжанов, спешил, чтобы отдать поклон — таковы были правила почтительности.

Хэ Сы не был любителем помпезности, как его предшественник, да и закатывать её в чужой штаб-квартире было бы чистейшим самоубийством.

Под взглядами, полными неприязни, любопытства, расчёта, а кое-где и... поживее полуденного солнца, он с невозмутимым видом сошёлся с Юэ Чжуном.

Юэ Чжун сложил руки в приветственном жесте. Хэ Сы ответил лёгким кивком. По рангам они не были равны, так что это не считалось нарушением этикета.

Однако в глазах стражников новый наместник Восточной палаты казался непомерно высокомерным и надменным. Всего лишь евнух, а ведёт себя будто князь крови.

Лишь один человек с самого начала разглядывал Хэ Сы с ног до головы взглядом, каким оценивают редкую драгоценность.

Хэ Сы едва не утратил фальшивую улыбку. Чёрт побери, у нас же чисто отцовские чувства! Хватит смотреть на меня так, будто хочешь уложить своего отца в постель!

Юэ Чжун вытер со лба лёгкую испарину и спросил с почтительностью, но без подобострастия: «Наместник, ваш внезапный визит застал подчинённого врасплох. Пришлось вам лицемерить эти грубые забавы наших неотёсанных юнцов. Если чем-то вас задела, прошу отнестись снисходительно».

Хэ Сы равнодушно скользнул взглядом по окружавшим его потным торсам, на мгновение встретился глазами с кем-то и тут же отвел взгляд. Он усмехнулся: «Господин Юэ, что вы. Я сам только что подъехал, никакой грубости не было. Более того, видя, как ваши воины столь могучи и рьяны, я лишь укрепляюсь в мысли, что под их защитой Его Величество может спать поистине спокойно».

Они обменялись парой ничего не значащих вежливых фраз, взаимно доводя друг друга до тошноты.

Нынешний визит Хэ Сы разительно отличался от прошлого. Тогда он приходил с просьбой, теперь же — с обвинениями.

Юэ Чжун, разумеется, это понимал. Закончив с любезностями, он почтительно посторонился, что для него было редкостным проявлением смирения: «Здесь говорить неудобно. Не соблаговолит ли наместник пройти внутрь?»

Хэ Сы, намереваясь устроить разнос, не собирался ему потакать. Он не сделал ни шагу, оставаясь на месте, и продолжил с деланной улыбкой: «У меня дела, да и вы, господин Юэ, человек занятой. Так что от чаепития я вежливо откажусь». Он многозначительно бросил взгляд на саблю «Парчовая весна» у пояса Юэ Чжуна.

В прошлый раз, едва они переговорили с глазу на глаз, как тут же поползли слухи, будто он с первого взгляда заметил заместителя командующего Императорской гвардии и вознамерился забрать его к себе в качестве «госпожи, утверждающей авторитет Палаты».

Чушь собачья! Хэ Сы считал, что Юэ Чжун с его рябым, будто старая картофелина, лицом был ему не по вкусу. Ему бы кого-нибудь помоложе да покрепче, кто в одежде стройный, а без неё...

Его мысли прервались, и взгляд невольно снова метнулся в сторону.

Он полагал, что Лу Чжэнмин, будучи человеком тактичным, уже ретировался вместе с остальными стражами. К его удивлению, тот не только не ушёл, но, поймав его взгляд, тут же подмигнул — весьма двусмысленно.

Хэ Сы: «...»

Он отвёл глаза, словно пойманный вор.

Юэ Чжун, стоя перед подчинёнными, чувствовал себя неловко: ни пригласить дальше, ни оставить как есть не получалось.

Хэ Сы же, обладая кожей толще слоновой, нимало не смущался от внимания публики. Он неспешно произнёс: «Я пожаловал, дабы преподнести господину Юэ несколько подарочков».

Юэ Чжун изобразил полное недоумение, и слова его стали ещё осторожнее: «Наместник, вы слишком щедры. Но, как говорится, без заслуг не возьму награды. Наше скромное управление...»

Он не успел договорить, как бесшумно возникший Чжао Цзинчжун, швырнув вперёд по одному, выбросил к ногам Юэ Чжуна двух связанных людей.

Среди стражников поднялось волнение. Кто-то, не разобравшись, решил, что наместник Восточной палаты пришёл расправиться с их заместителем командующего, и вскочил, сверкая глазами.

Хэ Сы даже не взглянул в их сторону. Кончиком сапога он легко ткнул в два окровавленных, бесформенных тела. Белоснежная кожа сапога окрасилась алым — подобно крови, застывшей на острие клинка, — зловеще и броско.

Он с улыбкой наблюдал, как лицо Юэ Чжуна побелело. «Хоть я и восстанавливался после болезни, но ни поимку преступников, ни расследования не прекращал. Эти двое, скажем так, связаны и со мной, и с вашей Императорской гвардией. На днях в квартале Дунпин я по неосторожности попал в ловушку, устроенную негодяями, угодил в воду и едва не отправился на чаепитие к Янь-вану. Но, как гласит поговорка, «негодяи живут тысячу лет» — Янь-ван пока

не пожелал принять мою жизнь. А коли так, то нужно разобраться: у каждой обиды есть виновник, у каждого долга — заёмщик».

Юэ Чжун окончательно лишился крови в лице. С усилием выдавив улыбку, он произнёс: «Наместник совершенно прав. Эти двое посмели покуситься на вашу жизнь — им подобает смерть от тысячи порезов. Однако подчинённый не понимает, что вы имеете в виду под связью с Императорской гвардией. Я никогда...»

Хэ Сы вздохнул, прерывая его: «Господин Юэ, после таких слов притворяться глупцом уже неловко. Или вы забыли, чем именно кормится моя Восточная палата?»

Юэ Чжун втянул воздух, сжал кулаки и опустил голову, не произнося ни слова.

Голос Хэ Сы постепенно становился холоднее. «Никто не выдерживает тридцати шести великих пыток в застенках Восточной палаты. Эти двое сдали всех уже после трёх. Жаль только, что они всего-навсего два простых лазутчика Императорской гвардии, бегавших по переулкам, и знают немного. Но знать мало — не беда. Моя Восточная палата докопается до истины. А сейчас я возвращаю их вам — всё же ваши люди. Как-никак, негоже, чтобы говорили, будто Восточная палата злоупотребляет властью».

Юэ Чжун явно не желал признавать этих людей. Признать — значило признать причастность Императорской гвардии к делу о «пожаре» в квартале Дунпин, к попытке устранить свидетелей. Здесь было замешано слишком много людей, и мелкому заместителю командующего не следовало брать на себя такую ответственность.

Хэ Сы, наблюдая за его меняющимся лицом, не захотел излишне давить. Он сделал два шага вперёд и понизил голос: «Господин Юэ, советую вам знать своё место. Броситься, как богомол, под колесницу — удел глупцов. Не говоря уже о том, чтобы примыкать к партиям и фракциям. Вода при дворе мутна, и вам в ней не плавать. А если ещё и замешаете иностранные государства...» — он тихонько усмехнулся, — «вам и десяти голов не хватит».

Произнеся эту угрозу и насладившись собственным величием, Хэ Сы собрался было удалиться, не оставив и следа, подобно туче.

Сделав пару шагов, он вдруг о чём-то вспомнил. Странная тень мелькнула у него на лице, и он бросил взгляд в определённом направлении. Затем, словно мимоходом, заметил: «Его Величество в последнее время пожелал выбрать себе наставника для обучения воинским искусствам. Вижу, в вашем управлении много отборных бойцов и доблестных командиров. Может, господин Юэ порекомендует кого-нибудь?»

Юэ Чжун и без того пребывал в смятении, полный подозрений и дурных предчувствий. Внезапно услышав эти слова Хэ Сы, он снова облился холодным потом и принялся строить самые сложные догадки.

Подбирать людей? Каких людей? Неужели среди Императорской гвардии есть его, восточнопалатские, шпионы???

Хэ Сы, устроив эту небольшую диверсию, удалился весьма довольный.

Целью его визита было прощупать, насколько глубоко Императорская гвардия замешана в деле о квартале Дунпин. И сегодняшняя реакция Юэ Чжуна была настолько откровенной, что на его лице будто бы горели слова: «Я виноват, я трушу, не трогайте меня».

Вот почему Хэ Сы и считал, что этому человеку не место при дворе. Прямо-таки ходячая мишень, готовая в любой момент отправиться на покой.

Императорская гвардия, квартал Дунпин, государство Цзинь, внешняя и внутренняя политика Великой Янь — всё это спуталось в голове Хэ Сы в тугой клубок.

Нужно было как следует распутать мысли и понять, что же это за смертельная ловушка готовится, и сможет ли он вместе с Восточной палатой остаться в ней целым и невредимым.

Пока маленькая повозка подпрыгивала на ухабах, веко Хэ Сы вдруг дёрнулось, и в голове всплыло имя — Лу Чжэнмин.

Он подумал, что появление этого человека и время, и место — всё было уж слишком подозрительно...

□□□□□□□□□□□□□□□□

Повернувшись назад, он увидел, что граница года с каждым днём всё ближе, и все управления во дворце начали подготовку к важному делу — проводам старого и встрече нового.

<http://bllate.org/book/16284/1467094>